

Хасэгава Тору на самом деле был почти одного роста с Хагиварой Кэндзи. Однако, если говорить начистоту, кареглазый юноша все же выигрывал с минимальным преимуществом — от силы в сантиметр или чуть меньше двух.

Именно поэтому его попытка спрятаться за спину Хагивары выглядела как попытка обмануть самого себя.

Остальных присутствующих позабавила эта нелепая и совершенно бессмысленная маскировка — включая Фурую Рэя и Морофуси Хиромицу, которые только что намеренно напустили на себя суровый вид, чтобы добиться ответа.

Хагивара Кэндзи с самым невинным видом оглядел друзей, а затем развернулся и вытянул наружу здоровяка, пытавшегося скрыться за его спиной.

— Советую все же объясниться, Тору.

У юноши были черные волосы чуть длиннее, чем позволяли строгие правила полицейской академии, но ровно настолько, чтобы еще вписываться в рамки допустимого. Мягкие черты лица и добрый взгляд делали его невероятно обаятельным.

Хасэгава Тору не умел лгать, особенно когда дело касалось дорогих ему людей.

— Я был ранен, но не сильно, — пробормотал он. Тон стал куда тише, чем прежде, но в критический момент он умудрился выстроить изящную словесную ловушку: — К тому же блокатор феромонов не сломался, я его просто случайно потерял.

Это была правда. Он никого не обманул.

Хасэгава Тору убеждал в этом самого себя.

В конце концов, Пятая Высшая Луна действительно перерезала ремешок, на котором держалось устройство.

От этой мысли голос парня стал гораздо тверже.

Морофуси Хиромицу и Фуруя Рэй внимательно вгляделись в его лицо, все еще сомневаясь.

Заметив, что они собираются задать новый вопрос, и испугавшись, что снова не найдет ответа, Хасэгава Тору решил действовать на опережение.

— Все это было так давно, разве я сейчас не здесь, в полном порядке, рядом с вами? — Альфа

одарил их ослепительной улыбкой, чтобы скрыть остатки неловкости. В его глазах блеснула мольба о снисхождении, и выглядел он при этом одновременно мило и жалко.

У него всегда находился способ заставить их сердца оттаять.

Фуруя Рэй мысленно вздохнул и отвел давящий взгляд. Он позволил Хасэгаве выйти сухим из воды только потому, что объяснение показалось ему логичным — в конце концов, если бы ранение было серьезным, разве смог бы он спустя три дня прыгать с этажей и перелезть через заборы? И уж точно не потому, что он поддался на эти уловки.

Морофуси Хиромицу смягчился, в его небесно-голубых глазах промелькнуло сожаление:

— Прости, Тору. Я просто слишком сильно за тебя переживаю. Если ты пострадаешь, мне будет очень больно.

Прямой выпад!

Настоящий удар в лоб!

Обычно такие откровенные слова произносил сам Хасэгава Тору, который всегда без остатка выплескивал свои чувства, искренне признаваясь в любви всем, кто был ему дорог.

Большинство взрослых людей ведут себя подчеркнуто сдержанно: их речи витиеваты, они постоянно взвешивают, кто дает больше, а кто меньше, и боятся открыто говорить о своих чувствах, словно признание — это поражение.

Но Хасэгава Тору был не таким, и он не боялся проиграть. Он тянулся к свету, всегда оставаясь горячим и искренним. Именно поэтому он привык отдавать свое сердце, не требуя ничего взамен.

Однако отсутствие требований не означало равнодушия. Напротив, он был тем самым простаком, который мог сиять от счастья целый день, просто получив чуточку доброты.

В янтарных глазах заплескались волны. Привыкший говорить прямо, этот щенок словно остолбенел, ошеломленный нахлынувшим потоком любви, и застыл, глядя на Морофуси, пока его щеки заливал нежный румянец.

Фуруя Рэй:

— ...

— Кхм-кхм-кхм! — Мацуда Дзимпей преувеличенно громким кашлем прервал их глубокий зрительный контакт. — Эй, не надо делать вид, что нас здесь нет! Или вы не видите, что тут еще четыре живых человека стоят?

Датэ Ватару перевел взгляд с Морофуси на Хасэгава и наконец все понял. Будучи «победителем по жизни» с девушкой — пусть Натали и сама сделала первый шаг, — он прекрасно видел витавшее в воздухе нежное чувство.

Хагивара Кэндзи тоже рассмеялся, пытаясь разрядить обстановку:

— Не будь таким, Мацуда. Наверное, Тору просто так тронут, что не знает, что сказать.

Он многозначительно подмигнул своему другу детства:

— Кажется, Тору из тех, кого легко растрогать добротой «друзей». Ну разве не мило?

Хагивара сделал особый акцент на слове «друзья».

Мацуда, Хаги может помочь тебе только так! Иначе в этой игре у тебя скоро даже шанса на выход не останется!

Хасэгава Тору наконец пришел в себя. Он моргнул, и даже если в душе шевельнулось какое-то странное чувство, оно быстро рассеялось под влиянием слов Хагивары, списанное на благодарность к близкому другу.

Морофуси Хиромицу:

— ...

Черноволосый Омега глубоко вздохнул. Ничего, шансов будет еще предостаточно, не стоит торопиться. К тому же здесь слишком много людей, не самое подходящее место для интимных разговоров.

Самая трудная часть была позади, оставалось лишь дать друзьям несколько наставлений.

Речь зашла о солнечном свете, которого боятся демоны, и о силе глицинии.

— Хотя я надеюсь, что вы никогда в жизни не встретите демона, но если вдруг случится такая неудача, пожалуйста, обязательно берегите себя и первым делом свяжитесь со мной, — Хасэгава Тору опустил взгляд, и густые ресницы скрыли блеск его глаз. Когда он снова поднял голову, в его взгляде читалась холодная решимость: — Вы важны для меня не только как

друзья, это мой долг как мечника Отряда истребителей демонов.

Они сразу поняли, чего именно боится Хасэгава.

— Не волнуйся, Тору, — улыбнулся Фуруя Рэй. — Мы не такие уж слабые.

Мы не позволим тебе нас потерять.

— Именно, — поддержал его Мацуда Дзимпей. — Хотя ты и сказал, что убить их можно только особыми способами, пули и глициния наверняка смогут выиграть время. Этого хватит, чтобы продержаться до твоего прихода.

Хасэгава Тору кивнул. Даже если он не успеет, мечники Отряда разбросаны по всей Японии, кто-то обязательно окажется поблизости.

— Есть еще демоны, которых Кибуцудзи Мудзан назначил Двенадцатью Бесовскими Лунами. Их способности намного выше, чем у обычных демонов, и Пятая Высшая Луна — один из них. Как бы странно они ни выглядели и какими бы ни обладали силами, у них есть одна общая черта: в их глазах выгравированы цифры.

— Значит, именно поэтому Сотомори Ити был в таком невменяемом состоянии. Неудивительно, что он постоянно твердил, что видел Юри, — вздохнул Морофуси Хиромицу. — Вероятно, поэтому его и забрала полиция безопасности.

Это был момент, который удивлял и Хасэгаву Тору: правительство всегда занимало пассивную позицию, так почему же они решили взять дело Сотомори Ити на себя?

— Видимо, скрывать больше не получается, — проанализировал Фуруя Рэй. — В ресторане были камеры, и записи того, как Тору и маленькая девочка зашли в кабинет и не вышли оттуда, наверняка уже попали в руки первого отдела полиции. Вот их и перехватили во время подачи отчета.

Сейчас разговоры уже не помогут, нужно ждать приговора по делу Сотомори Ити. Время — это то, что Морофуси Хиромицу сейчас мог позволить себе дать. Но даже зная, что справедливость рано или поздно восторжествует, невозможно оставаться спокойным, когда дело касается родного человека.

—

Дневное занятие по кэндо проводилось сразу для нескольких групп.

Хасэгава Тору, как Альфа, приковал к себе немало взглядов. Красивый юноша отказался от

защитной экипировки, предложенной инструктором, — для него она была слишком сковывающей.

Его техника кэндо была создана для убийства демонов, и даже с обычным тренировочным мечом его аура была настолько ледяной, что люди инстинктивно отступали на три шага назад.

Даже услышав об этом еще утром, Мацуда Дзимпей был поражен тем, как Хасэгава превратился из нелепого простака в холодного профи. Сидя на полу, он проворчал своему другу детства:

— Это как если бы ты завел глупого, милого самоеда, а придя домой, обнаружил, что он превратился в чехословацкую волчью собаку, способную перегрызть глотку.

Он сказал это достаточно громко, не пытаясь понизить голос, так что все вокруг отчетливо его услышали и принялись оглядываться на Хасэгаву.

Юноша на площадке держал меч в правой руке, его красивое лицо было сосредоточено, а янтарные глаза отливали золотом. Он вежливо поклонился новому сопернику. Когда тот принял стойку, Хасэгава легким движением нанес удар в уязвимую точку, и противник даже не успел понять, что произошло.

Такая ситуация повторялась уже давно.

— ...

Мацуда оказался чертовски прав! Особенно если сравнить Хасэгаву с тем вялым парнем на утренней лекции — две крайности! В спортзале что, солнце взошло? От этого Альфы исходит такое сияние, что глаза слепит!

К счастью, инструктор вовремя остановил тренировку — он хотел лишь проверить способности Альфы, но в таком темпе у него просто не хватило бы курсантов.

Хасэгава Тору не возражал, он был очень послушным.

Он отложил деревянный меч и вернулся к друзьям, на его лице снова заиграла привычная ясная улыбка, и невозможно было поверить, что секунду назад он с такой жестокостью «разделался» с однокурсником.

Остальные:

— ...

Слишком быстро он меняется! Точно, чехословацкая волчья собака!

Заметив взгляды однокурсников, Хасэгава Тору с недоумением посмотрел на них, не переставая улыбаться:

— Что случилось? Вам что-то нужно от меня?

Чье-то сердце пропустило удар от того, что его застали врасплох, — может, даже не одно. Один из курсантов-Бет, немного смущаясь, взъерошил волосы, но все же набрался смелости:

— Я хотел... Хасэгава-кун, можно попросить тебя дать пару советов по технике владения мечом?

Улыбка Хасэгавы Тору стала только шире, он без колебаний поднялся на ноги:

— Конечно, с радостью!

Возможность помочь однокурсникам своими небольшими навыками была для него величайшей радостью.

Стоило одному набраться смелости, как и остальным стало проще подойти.

Люди тянутся к силе, тем более что большинство здесь — молодые и горячие будущие полицейские. Это совместное занятие по кэндо положило конец всем спорам о «слишком красивом лице» Альфы, а заодно показало, что этот парень на удивление прост в общении и лишен всякого высокомерия.

— Можно с тобой подружиться, Хасэгава-кун? — осмелилась спросить одна из девушек.

— Буду рад, прошу любить и жаловать! — Хасэгава Тору улыбнулся даже счастливее, чем она.

Морофуси Хиромицу, только что закончивший спарринг с Фуруей Рэем, посмотрел в угол зала, где Альфа, окруженный знакомыми и незнакомыми ребятами, глупо улыбался, и с чувством гордости переглянулся с другом детства.

Свет Хасэгавы Тору светил не только для них.

Солнце и должно сиять ярко.